

ББК 83.3 (2)

*Н. В. Халина, Ю. Е. Антоньева***Герменевтический анализ повести XVI в. как способ постижения культурной семантики эпохи***N. V. Khalina, Yu. E. Antonyava***Hermeneutic Analysis of XVI Century Narrative as a Way to Understand Epoch Cultural Semantics**

Статья посвящена исследованию роли русского литературного языка в становлении самосознания общества XVI в. и его влияния на языковую ситуацию Средневековья. В работе рассматривается культурная семантика языка эпохи, репрезентированная в жанровом разнообразии повести XVI в. Основным способом истолкования семантики избирается герменевтический анализ, полагаемый на онтологическую теорию смысла.

Ключевые слова: культурная семантика, онтологическая теория смысла, эйдос и ноэма, семантико-эйдетическая интерпретация, средневековый жанр.

DOI 10.14258/izvasu(2013)2.2-36

Изучение истоков русской словесности, прежде всего древнерусского текста, в отечественной лингвистике осуществлялось преимущественно в двух направлениях. Первое направление основывается на рассмотрении текста как источника, артефакта определенного периода исторического развития этноса, социоментальных структур, «инфраструктуры» государства (что требует применения особых методологических приемов). Второе направление исходит из того, что текст выступает в качестве индикатора возможностей языкового сознания представителя/носителя русской словесной культуры, создающего определенную научно-исследовательскую программу, не противоречащую актуальным в момент выполнения исследования теоретическим установкам научной области, в рамках которой выполняется исследование.

Первая аксиологическая позиция поддерживалась разработкой и использованием таких методов, как текстологический анализ, источниковедческий анализ, лингвотекстологический анализ. Вторая позиция формируется в процессе применения к древнерусскому тексту актуальных для определенного этапа развития отечественной лингвистики приемов анализа. Если в первом случае важным является рассмотрение формы представления знания мира собственного бытия в лингвистической форме и сохранение последней при воспроизведении источника, то во втором демонстрируется прежде всего культурно-когнитивная связность текстов и моделей осмысления мира, свойственных этнической общности, а также степень

The article is devoted to the role of Russian language in the developing of society self-consciousness in XVIth century and its influence on the medieval language situation. The main item is the cultural semantics of epoch which is represented in the form of genres. The main method of interpretation is hermeneutic analysis based on the ontological theory of sense.

Key words: cultural semantics, ontological theory of sense, eidōs and noēma, semantical and eidetical interpretation, medieval genre.

универсальности для текстов этнической культуры приемов анализа, разработанных в научном дискурсе на определенном этапе его становления.

Возможность применения к древнерусскому тексту приемов анализа, используемых по отношению к тексту синхронному, открыла необходимость перехода от наблюдения за поведением формы в системе языкового конструирования аксиологии и институционального смыслового континуума к постижению семантических процессов, обеспечивающих связывание впечатлений в эйдетические целостности.

Наиболее продуктивным в плане изучения эйдетической сути русского слова оказался герменевтический анализ. Изучение древнерусской словесности, как полагает А. М. Ранчин [1], создает особую герменевтическую ситуацию, существо которой определяется тем, что, с одной стороны, значительная часть памятников древнерусской книжности обладает признаками литературности, с другой стороны, эта литературность подчинена религиозной и дидактической функциям, что не позволяет осознать литературность в качестве самостоятельного феномена.

Правила построения древнерусского словесного произведения, по словам исследователя, выводятся из самого текста, поскольку древнерусская словесная культура вплоть до XVIII в. не знала текстов металитературного характера — риторик и поэтик, содержащих правила, по которым создаются тексты. Герменевтическая ситуация более благоприятна в слу-

чае анализа памятника, принадлежащего к значительной группе текстов однородной структуры: интерпретации жития, хождения или летописи способствует контекст, который составляют соответственно другие агиографические произведения, описания паломничеств или летописные своды.

И. Н. Данилевский обращает внимание на то, что так называемые психологический и лингвистический повороты заставили историков по-новому взглянуть на структуру информации о прошлом, заключенной в источнике, и способы ее кодировки [2]. Признание «чужой одушевленности» с неизбежностью повлекло за собой определение исторического источника как «психического продукта», рассмотрение его как результата «человеческого творчества в широком смысле слова». Летописи стали первым видом исторических источников, который уже с начала XX в. перестал рассматриваться как простое собрание фактического материала и приобрел в историографии статус социокультурного феномена.

Нынешняя историографическая ситуация заставляет существенно расширить культурно-исторический контекст, в котором должно изучаться древнерусское летописание. Поэтому наряду с продолжением разработки вопросов, связанных с установлением степени достоверности летописных известий, все настоятельнее ощущается необходимость поиска новых герменевтических подходов к анализу летописного материала.

В наше время возрождение герменевтики на отечественной почве — в сочетании с новейшими достижениями текстологии — способно придать новый импульс развитию исторического источниковедения. «Прививка» (пользуясь выражением П. Рикёра) герменевтики к текстологии, разработавшей за последнее столетие изощренную методику анализа текстов, способна существенно изменить точку зрения на исторический источник как на своеобразный исторический «факт», уточнив традиционный взгляд на отношение «историк — исторический источник». Это актуальная задача современного гуманитарного знания, решение которой (помимо всего прочего) способно существенно расширить информативные возможности исторического источника. В качестве одного из возможных путей решения этой задачи И. Н. Данилевский предлагает методику выявления и содержательного определения концептов, посредством которых или сквозь призму которых содержание источников воспринимается как теми, кто источник создал, так и теми, кто источник изучает. При этом концепт понимается как общее представление того или иного исследователя (или группы исследователей) о целях, которые ставил перед собой автор источника, а также об основных социальных функциях, которые выполнял создаваемый им текст.

Герменевтический подход к анализу материала и собственно лингвистическая герменевтика в работах А. М. Камчатнова основывается на положении о трех этапах исторической жизни слова: 1) этап внутренней формы, или нозматический этап; 2) этап анархической многозначности; 3) нормативный этап [3]. На первом этапе слово рождается как символ идеи (эйдоса), на втором — «отрывается от своей идеи и начинает носиться над миром вещей, оплодотворяя их своим пониманием». На третьем этапе значения слова фильтруются: одни узакониваются, другие отбраковываются в текстах, признанных образцовыми; на завершающей стадии третьего этапа значения кодифицируются в словаре. По наблюдениям А. М. Камчатнова, «слово в памятниках древнерусской письменности характеризуется анархической многозначностью, усугубленной влиянием греческих текстов, переводимых в Древней Руси» [3, с. 61]. К подобным выводам автор приходит на основе практического перевода одного из самых сложных для понимания памятников древнерусской письменности — Палеи Толковой.

Герменевтический подход, разрабатываемый исследователями, позволяет изучение древнерусского текста перевести в иной план — план концептуальной истории ценностной семантики [4]. Понятие ценности, согласно Н. Луману, означает те предпочтения, из которых можно исходить в социальной коммуникации; это апробированные «собственные ценности» («Eigenvalues») системы, которые оказываются стабильными даже при использовании их в контексте самореферентных операций. Историческая жизнь слова (А. М. Камчатнов) отражает механизм самореферентных операций, на базе которых формируется семантика этноса, сопрягаемая с ценностью-концептом (И. Н. Данилевский) — общим представлением о цели и социальных функциях события-поступка, как речевого, совершаемого автором повествования, так и социально-реального, совершенного тем, относительно и по поводу кого строится повествование.

Современная герменевтика, с позиций которой истолковывается ценностная семантика древнерусского текста и строится концептуальная история ценностной семантики русского этноса, как полагает Н. Луман, изобретена в пандан к новому смысловому уровню нерушимых ценностей поначалу как некоего рода теории рефлексии системы религии, затем субъективированная наука и, наконец, наука о тексте.

Определяющим для понятия ценностной семантики этноса является понятие культурной семантики языка. Рассматривая язык как знаковую систему, термин «культурная семантика языка» можно объяснить как «традиции, нормы и правила значений (употребления значений, системы значений) языковых знаков». Чтобы семантика являлась именно культурной, а не просто традиционной и нормативной,

необходимо понимать «язык» в его принадлежности к вторичным языкам, к вторичным моделирующим системам. Кроме того, необходимо рассматривать словесное произведение как «коммуникативное целое, где каждый момент и все целое целеустремлены, что-то осуществляют, чему-то служат» [5, с. 67].

Таким образом, посредством термина «культурная семантика языка» возможно определить и объяснить традиционность, нормативность и ценность значений (системы значений) литературного языка (в данном случае) той или иной эпохи.

Культурная семантика XVI в. хранит в себе описание обществом представления о самом себе в XVI в. или, в терминологии Лумана, «описание описания» [4]. Социум постигает себя, создавая представления о себе и описывая эти представления. Это постижение заложено в семантике языка, которая воспроизводится в тексте. Видение себя в контексте эпохи перетекает в письмо. В письменности проявляются все характерные черты эпохи, используется соответствующий семантический язык.

Семантику, которую возможно применить и использовать, Н. Луман рассматривает как «общественное знание» [4]. Только когда семантика становится общественным знанием, она становится «рабочей», способной быть используемой. Культурная семантика эпохи проявляется в своем языке, свойственном только ей одной, язык фиксирует и кодирует культурную семантику своего временного периода. В языке общество себя наблюдает и описывает. В самоосмыслении, в понимании и воспроизведении себя в текстах эпоха использует представления, заложенные в семантике ее языка.

Зная особенности культурной семантики языка XVI в., мы способны распознать этот временной, культурный «слой».

Исследуя средневековый текст, мы прежде всего видим репрезентацию в тексте культурной семантики той исторической эпохи, в которой он создан. «Все словесные произведения как явления языковой культуры связаны с определенной нормой их создания, а следовательно, и понимания» [5, с. 27]. Различение, определение семантики языка — это коммуникация, которая возможна при идентичности или схожести кодовых систем. Постигание предмета происходит в процессе коммуникации, при условии единой кодовой системы или, если кодовая преемственность нарушена, при условии обращения к «первоисточнику» — эйдосу. Каждая эпоха вкладывает в текст свои представления о предметах, явлениях, событиях. Отождествление эйдосов с семантическими знаками, а точнее, со значениями, которые они содержат, в силах воссоздать представления писателя XVI в., а соответственно культурную семантику языка, в которой он существует. Эйдос способен восстанавливать ком-

муникацию в условиях временного и культурного различия семантик языка, оно то связующее, помогающее эпохам сблизиться, не приближаясь.

Интерпретировать текст XVI в. необходимо в семантическом пространстве периода его создания. «Проблемы истории русского литературного языка самым непосредственным образом связаны с рассмотрением языковой ситуации Древней Руси» [6, с. 3]. Наиболее точно и объемно охарактеризовать языковую ситуацию в XVI в. помогает обзор культурной и политической ситуации Средневековья.

Древнерусская литература неразрывно связана с культурным пространством, в котором она появляется, с жизнью государства — политической, бытовой, деловой, религиозной. На литературе лежит огромная ответственность за отражение событийности религиозной, политической и прочей, но, кроме того, за формирование жизни общества. Литература XVI в. — не столько для удовольствия индивидуального чтения, сколько для ее практического применения в разных областях общественной жизни. У каждого произведения своя цель, оно предназначено для обслуживания какой-то жизненной потребности общества (религиозные тексты — для церковного обихода, Домострой — для бытового обихода и т. п.).

XVI в. — это век перемен в культурной ситуации, период интеллектуальной закладки русского литературного языка. Отличительной чертой литературы становится «столкновение» в ее границах церковнославянского (книжного, литературного) языка и русского, разговорного языка (диглоссия) [6]. Одной из причин данного феномена является остро вспыхнувшая борьба за духовный престол двух группировок: «Возникшая в начале XVI в. полемика „иосифлян“ и „заволжских старцев“ оставила неизгладимый след в литературе, способствовала развитию публицистики, которая достигла своего небывалого расцвета в XVI столетии» [7, с. 3].

В этой борьбе победила официальная церковь — иосифляне, черное духовенство. Данные события способствовали развитию публицистики, этот процесс характеризуется как «...невиданный ранее подъем публицистики» [8]. Видные деятели на культурном поприще, такие как Андрей Курбский, Максим Грек и другие, в своем творчестве были последователями нестяжателей и очень ревностно и добросовестно относились к «чистоте» языка, соблюдая художественные нормы, риторические и грамматические правила. Соблюдение книжной, литературной нормы, запрет на использование разговорной лексики [7, с. 3] — таков язык, которым достойно писать.

Митрополит Даниил, Иван Грозный, Иван Пересветов и другие «способствуют демократизации литературного языка и стиля» [7, с. 3]. В их произведениях происходит ломка литературного этикета за счет ввода просторечий, фольклорных фрагментов, деловой

разговорной речи, несоблюдения риторических правил и т. п. И впервые религиозная догматика, религиозный образ не являются абсолютным авторитетом в описании общества, тем руслом, в котором текут размышления и рефлексия средневекового писателя: «Доказывая свою правоту, опровергая аргументы противников, они не ограничивались ссылками на авторитет „писания“, а опирались на логику, апеллировали к разуму, используя факты действительности и личной жизни» [7, с. 10].

Церемониальность, монументальность, традиционность живут в таких культурных памятниках, как Четьи-Минеи, Стоглав, Домострой, Степенная книга и др. «Однако этот стиль начинает разрушаться за счет включения, порой произвольного, конкретных бытовых жизненных зарисовок, фольклорного материала, просторечных и разговорных элементов языка. В литературе XVI в. начинается процесс ее демократизации, проявляющийся в усилении воздействия фольклора, различных форм деловой письменности» [7, с. 4].

По мнению Д. С. Лихачева, элементы Возрождения могли проникнуть в культуру с еретическим учением нестяжателей, но победа церкви «...тяжело отозвалась на судьбе возрожденческих идей вообще» [9, с. 118]. Эти идеи появляются в начале XVI в. в публицистике, на них оказала влияние, кроме прочего, централизация государства. Церковь теряет свой авторитет, и люди обращаются не к Писанию, а к разуму, к идее. Развитие публицистики совершается под символом разума и веры в разум, в идею, это способствует расширению литературного формата, появляются новые жанры. В литературу проникает деловая письменность, появляются вымысел и фантастичность [9].

Литература XVI в. впитала и сохранила специфику исторической эпохи, чьи тексты представляют богатый материал для герменевтического исследования. Литературный колорит предыдущих веков перемежается с проявлением прогрессии в письменности, что представляет особый интерес для анализа текста как носителя культурной семантики XVI в.

Материалом для герменевтического анализа произведения XVI в. выбран текст Казанской истории, определенные жанры этого произведения. В «Истории о Казанском царстве» гармонично существуют пышный литературный этикет с общепринятыми формулами и фольклорные элементы, разговорная речь, вымысел, фантастика. Д. С. Лихачев называет это явление парадоксальным сочетанием [10]. Автор описывает начало Казанского царства, его историю, используя многочисленные жанры, что делает эту повесть ярчайшим произведением XVI в. Это одно из первых произведений, где нарушаются этикетные нормы в описании «своих» и «чужих», русских и их врагов. Повесть наполнена легендами

с фантастическими элементами: «Фантастичность, которую еще стеснялись пускать в дверь, проникала в окно, прорубаемое официальными и пропагандистскими тенденциями» [10, с. 123]. Автор «нарушает» нормы литературного этикета в своей повести, вводя ее в новаторский круг публицистических произведений.

Герменевтический анализ в данной работе производится на основе семантико-эйдетической интерпретации, осуществляемой на материале фантастических явлений и чудес Казанской истории. Семантико-эйдетическая интерпретация связана с пониманием культурного пространства.

Для понимания культурного пространства и восприятия его ощущения, для переложения его в тексты и сохранения культурной матрицы необходимыми элементами являются представления человека о себе и мире.

Интеллектуальное зрение и восприятие сопровождаются возникновением представлений. Эйдосы как связь времен способны восстанавливать и порождать семантическое поле культуры. Представления о своем пространстве того или иного общества могут утратиться, забыться, стать архаизмами, но они в той или иной степени необходимы для построения будущего культурного слоя. Эйдосы — столпы языкового сознания, с их помощью мы можем воссоздать представления XVI в. и восстановить культурное пространство этой эпохи. В настоящей статье используются категории эйдоса и ноэмы. Опираясь на диалектическую конструкцию предмета А. Ф. Лосева, А. М. Камчатнов дает такое определение этим категориям: «...эйдос есть умозрительная картина сущности, смысла; в нем мы *видим* сущность своим умным зрением, это осязаемый умом смысл. Эйдос есть явленный лик сущности, смысловое изваяние смысловой сущности, смысловая и цельная картина смысла предмета. Эйдос видится мыслью, осязается умом, созерцается интеллектуально» [11, с. 35].

Категория ноэмы является результатом акта понимания. Акт понимания построен на сравнении вещи с окружающими ее вещами и их явлениями, смыслами, на соотнесении вещи с ее окружением. В сравнении вещь получает свое качество, свою специфичность, отличающую одну вещь от другой. Когда мы именуем вещь, мы понимаем ее, сравнивая и соотнося с окружением и его смыслом. Это понимание и является ноэмой слова. «Ноэма есть то, в свете чего интерпретируется эйдос, с чем сравнивается и отождествляется», но кроме того, ноэма является и тем, «что интерпретируется в том или ином свете, то есть та сторона эйдоса, которая участвует в стихии слова» [11, с. 49].

В основу анализа повести XVI в. положена концепция лингвистической герменевтики А. М. Камчатнова.

Выбор данной концепции определяется особым отношением лингвистической герменевтики к древнерусскому тексту. Целью лингвистической герменевтики является постижение идеи слова [11, с. 76], ее задача — истолкование языковых фактов «в тесной связи с текстом и, что, может быть, еще более важно, истолкование текста в тесной связи с языковой средой» [11, с. 12]. Особенность лингвистической герменевтики — в ее изучении текста не ради получения знания о чем-либо, а ради него самого, что в процессе позволяет получить «более глубокие сведения о языке» [11, с. 13]. Лингвистическая герменевтика построена на онтологической теории смысла, теории, господствующей в древнеславянской школе перевода, «что может служить историческим аргументом в пользу того, что только эта теория может адекватным способом осознать, то есть выразить в понятии тот языковой опыт, с которым мы имеем дело в памятниках письменности славянского Средневековья» [11, с. 66]. Одним из главных положений онтологической теории смысла является понимание смысла вещи как ее сущности [11], но, чтобы понять сущность вещи, предмета, необходимо знать его логическую конструкцию, на чем и основана теория. Диалектическая конструкция предмета состоит из семи категорий, две из которых являются ключевыми в данной методике, «в конкретных герменевтических разысканиях можно сделать акцент на одной или двух категориях, поскольку этого может быть достаточно для истолкования смысла того или иного факта» [11, с. 76].

Семантико-эйдетическая интерпретация, по сути, является рациональным подходом. Первичная цель — понимание текста — предполагает использование неких нормативов, некой конструкции понимания. Данная конструкция держится на нормативных основаниях, предложенных М. П. Брандес, — это полнота, отчетливость, обоснованность и глубина [5, с. 31]. Вторичная цель — выявление культурной семантики языка — достигается в результате анализа результатов интерпретации. Таким образом, семантико-эйдетическая интерпретация, во-первых, рассматривает знаки как носители изначального, первичного смысла предмета, одной из его смысловых граней; во-вторых, способствует выявлению смысловых образов мышления, отраженных в формальном языке (мы мыслим предмет точно соответственно нашим знаниям об этом предмете: в каких границах, в каком объеме мы интеллектуально созерцаем смысл, в таком объеме мы способны оперировать им); в-третьих, сканирует формальный язык с целью нахождения смысловых образов языка, являющихся строительной базой для логической формы языка и отражающих интеллектуальную деятельность общества изучаемой эпохи.

Для использования конструктов *эйдос* и *ноэма* в герменевтическом анализе необходимо перевести их в понятия формальной лингвистики. Эйдос можно идентифицировать как диалектико-семантическую модель смысла предмета. Это модель чистого, незначающего смысла, реализующаяся в разнообразных формах путем отождествления одной из своих смысловых граней с тем или иным языковым значением (процесс означивания). Чистый, незначающий смысл многогранен, и делимость этих граней бесконечна. Понимание того, с каким языковым значением отождествляет себя модель, есть вариативная интерпретация, как результат — вариативный концепт. Его вариативность определена многогранностью смысла, отождествляющего свои стороны с различными значениями слова, но будучи для них единым. Концепт мы определяем как ноэму слова. Греки отождествляли эйдос истины с тем, что незабвенно, вечно; для римлян истина — это то, что заслуживает веры и доверия; для славян истина — это то, что есть [11, с. 50–52; 12, т. 2, с. 60]. Эйдос воплощает свою разносторонность в различных значениях единого языка в разные периоды времени. Для нашей эпохи характерно понимание истины как нелжи, правды. Таким образом, представлено различие в ноэмах эйдоса истины, обусловленное национальным пониманием и пониманием одной культуры в различные ее периоды.

Текст состоит из слов как элементов знаковой системы языка со стоящими за ними значениями. Каждое значение является выражением эйдоса. Чтобы всесторонне отобразить человеческую жизнь в тексте, необходимо определенное сочетание и намеренное соотношение эйдосов, нацеленное на выражение того или иного смысла.

Древнерусская письменность особенно тем, что автор, выбирая выражения и «формулы» для своего произведения, опирается не на жанр, а на предмет этого произведения, «...не жанр произведения определяет собой выбор выражений, выбор „формул“, а предмет, о котором идет речь» [10, с. 6]. Д. С. Лихачев говорит о том, что именно предмет является мотивацией для подбора лексического материала. В контексте данной работы мы будем говорить о представлении о предмете. Представление складывается в смысловом образе предмета, явления, события, на основе интеллектуального зрения. В процессе мышления и понимания эйдоса возникает художественное представление понятого.

Семантико-эйдетическая интерпретация текста включает в себя следующие этапы работы с источником.

1. Определение и дифференциация эйдосов в рамках определенного словесного произведения.

Основанием для выделения эйдосов в границах текста являются жанровые признаки произведения.

Номинация эйдосов произвольна, обусловлена названием и признаком жанра. Жанр пророчества (если рассматривать пророчество в совокупности его символов и максимально обобщить эту символическую/символическую форму) подразумевает под собой видение будущего, предсказание будущего, а также некое предупреждение (если не сделать так-то, получится то-то). Обобщая символы, можно рассматривать жанр пророчества на основании эйдоса предсказания, предупреждения, как некой символической/символической формы, которую являет пророчество в нашем интеллектуальном созерцании его. Символ предмета возникает в результате обобщения тех сведений, которые мы имеем о предмете и в объеме которых мы оперируем смысловой формой предмета.

2. Выборка маркёров.

Под маркёрами понимаются материальные представители некоторого смысла в данном тексте. Это неозначаемое смысловое ядро предмета, реализованное в формальном языке в том или ином знаке. Эти знаки рассматриваются как носители одной из граней того смысла, который являют выделенные эйдосы. В качестве маркёров выделяются знаки, обслуживающие представление в тексте определенного (изучаемого) эйдоса в большем или меньшем объеме.

3.1. Выявление семантического поля знака происходит путем анализа его значений, представленных в словаре. Семантический фон характеризуется глубиной и обширностью потенциальных ноэм слова.

3.2. Данный этап характеризуется проведением нескольких анализ-операций, общим результатом которых является объемный образ знака:

- сравнительный анализ соотношения/отождествления значения знака с тем или иным эйдосом. (Слово *жрец* локализует в себе одну из сторон эйдоса язычества; *чудесное явление* или *явление святого* являются выражением эйдоса божественного провидения и т.п.);
- анализ ноэм данного эйдоса;
- анализ контекста знака с целью выражения его максимальной семантической «полноты». (У понятия *знамение* одно значение представляет его как природное явление, другое — как чудесное явление, третье — как предсказание. Чтобы определить эйдос, воплощенный в данном значении и в данном тексте, необходимо обратить внимание на окружение, на контекст знака).

3.3. Выводы на основе полученных результатов должны быть обусловлены следующими положениями:

- степень и объем сопряжения эйдоса и знака в тексте (смысловая формула эйдоса представлена во всех выбранных маркерах в определенном объеме);

- качественные и количественные признаки эйдоса в тексте. Качество соотносится с функциональной разносторонностью эйдоса (эйдос проявляет себя посредством различных частей речи и в речевых выражениях, где представлен символически, а не в виде выбранных маркеров). Эйдосов, играющих первичную роль в формировании жанра, в количественном отношении будет больше, чем второстепенных эйдосов.

Качественные и количественные признаки эйдоса характеризуют качество жанра, которая определяется наличием и сочетаемостью определенных эйдосов в его границах. На всех этапах анализа процесс понимания текста осуществляется соответственно упомянутым нормативам: отчетливость, глубина, полнота и обоснованность.

Цепь этих этапов являет переход к раскрытию представлений XVI в., воссоздание культурной семантики эпохи на основе древнерусской письменности — как древнерусский писатель представлял мир, любовь, смерть.

В исследуемом тексте [13], представляющем обилие древнерусских жанров, нас главным образом интересуют жанры, описывающие потусторонние явления (с точки зрения современной оценки): волшебство, чудеса, сказки, предсказания и т.п. В данной работе, исследуя жанр *пророчества*, мы будем оперировать двумя понятиями — жанр и жанровые признаки. В работах Д. С. Лихачева и О. В. Творогова [14–16] упомянуто около 70 жанров по названиям из источников. Некоторые изучаемые жанры по своей жанровой сути являются легендами, сказками (фольклорные жанры на Руси) [17], мы будем их представлять идентично их названию в оригинале. *Пророчество* — библейский жанр древнееврейской культуры, в Древней Руси был распространен в предсказании конца мира и второго пришествия. Впоследствии как результат нарушения этикетных норм *пророчество* теряет свою обязательную религиозность, и пророчества-предсказания могут использоваться в любой форме текста и существовать в любом пространстве.

На первом этапе анализа в произвольном порядке были выделены эйдосы, которые являются ключевыми в нашем герменевтическом анализе. В выборе авторы руководствовались их определяющей ролью в жанре. Акцент на вариациях выражений этих эйдосов позволит оценить границы, объем употребления каждого эйдоса и обозначить процесс диффузии разных эйдосов в рамках жанра: эйдос магии и волшебства, эйдос предсказания, предупреждения. Номинация этих эйдосов произвольная, максимально объемная и обобщенная, с намерением не утерять главные характерные черты эйдоса и отследить соотношение локаций эйдоса (значения) и формы выражения текста (жанр).

В данном контексте значения, отождествленные с эйдосом и объединенные им, в другом контексте имели бы другой статус и могли воплощать собою не один эйдос. Они как выражения единого эйдоса интерпретируются лишь в данном контексте, соответственно выводы толкования законны лишь для данного случая.

Выборка из текста маркёров предложенных эйдосов занимает второй этап анализа и будет производиться не в полном объеме, так как в тексте много повторов и производных от одного слова. Кроме того, выбор склоняется в сторону выражений, более в смысловом плане нагруженных, максимально передающих суть эйдоса. В произведениях нас интересует качество проявления эйдоса в том или ином событии (его описании), от которого зависит жанр повествования.

Жанр пророчества представлен в трех главах истории: «О ВОЛХВЪХ, ПРОРИЦАЮЩИХ ВЗЯТИЕ КАЗАНСКОЕ, И О СЪТОВАНИИ КАЗАНСКИХ СТАРЪЙШИИ, О ГОРДЪНИИ ИХ»;

«О ЦАРИЦЫНЪ ПРОРОЧЕНИИ И О КАЗАНИ»;

«О БЛАГОСЛОВЕНИИ МИТРОПОЛИТОМЪ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ И ВСЕ ВОИНСТВО ЕГО И ПРОРЕЧЕНИЕ ЕГО О КАЗАНИ».

Если объединить маркёры интересующих нас эйдосов, представленные в трех главах, то их выборка выглядит таким образом:

- Волхвы;
- Пророчествовала;
- Волхование;
- Проречение;
- Прорече;
- Прорицающие;
- Пророчение;
- Побѣду наказав;
- Пророчествуеть.

Этот эйдос ноэматически точно передают два выражения: «...и конечную побѣду наказав»; «Се тако и збытсья, якоже рекоша волхвы наши», отождествляя видение будущего. Широкое использование религиозной лексики и описание христианской символики: победа веры, приход христианской веры, оружие невидимое — крест, митрополит, бог и т. п. — обеспечивает религиозную неумеренность жанру *пророчества*, в желании передать духовность, возвышенность и торжественность всей ситуации. Пророчества исходят от волхвов, царицы казанской и митрополита (единственное суть христианское пророчество), смысл у всех предсказаний один — победа христианской веры.

На третьем этапе происходит выявление семантического поля знака путем анализа его значений. *Пророчество*, согласно словарю И. И. Срезневского [18, т. 2], это проречение, дар прорицания; пророчествовать — прорицать, предсказывать, изрекать, говорить; пророк — вестник, предсказатель;

одаренный свыше духом предвидения; проповедник; пророчица — предсказательница, богиня; прорекать — предрекать, предсказывать. Полученные варианты ноэм слова *пророчество* анализируются. Каждая ноэма воплощает в себе ту или иную сторону эйдоса предсказания, предупреждения.

В церковнославянском языке *пророчество* и *знамение* синонимичны, так как одно из значений *знамения* — *предзнаменование*, которому В. И. Даль [12, т. 3] дает такую интерпретацию — предвещать, предсказывать, предрекать знаком и быть признаком чего-то в будущем. *Вестник* употребляется также как синоним слова *пророк*. И. И. Срезневский не дает определения слову *вестник*, но представляет слово *предвещница* в значении «*вестница*». Эти выражения эйдоса предсказания окончательно определяют жанровые признаки, восприятие мира в данном тексте.

Используя полученные результаты, мы делаем следующий вывод. В данном случае эйдос предсказания определяет собою жанр *пророчества*, так как текст построен на перечисленных ноэмах. Эйдос предсказания в большей или меньшей степени, тем или иным образом воплощен во всех интерпретативных значениях выбранных маркёров. Жанр построен на предвещании будущего в христианской вере, поэтому присутствуют выражения, общие с эйдосом божественного провидения.

В данном произведении показаны принадлежащие средневековому автору ассоциации с понятиями «предсказание», «пророчество». Соответственно своему мироощущению автор выбирал форму изложения событий. Так или иначе существительные, прилагательные, глаголы отождествляют разносторонность ноэм предвидения в эйдосе. Само слово *пророчество* могло не быть прописано, но жанровые признаки *пророчества* проявили бы себя в выражениях данного эйдоса. В главе «О пророчестве царицы о Казани», слово *пророчество* присутствует лишь в названии, но монолог царицы оправдывает свой статус предсказания за счет таких выражений: после твоей смерти, уже после тебя, не будет, и будет и т. п.

Эйдос магии и волшебства присутствует ярко не в качественном, а в количественном отношении. В словарях И. И. Срезневского, В. И. Даля *волхв* переводится как мудрец, звездочёт, астролог, чародей, колдун, знахарь, чернокнижник, волшебник и т. д. *Волхвы* как воплощение эйдоса магии и волшебства упоминается семь раз, не считая предиката — *волхование*.

Косвенно ноэматическую конструкцию слова *волхв* можно представить как воплощение эйдоса предсказания, так как колдун, волшебник всегда предсказывает, предугадывает, пророчит. Но в первую очередь данное средство выражения принадлежит эйдосу магии и волшебства. Многократное повторение выражения эйдоса магии и волшебства — *волхвы* —

не играет стилистической роли, скорее, автор намеренно задерживал внимание читателя на том факте, что приход христианской веры предсказывают даже колдуны и мусульманская царица, наравне с митрополитом.

Соотношение эйдосов определяет собою жанр, его качество. Жанр является текстовой формой выражения события, явления, каждый знак этой формы есть воплощение эйдоса, соответственно, в процессе диффузии эйдосы создают жанр. В жанре могут сосуществовать различные, несхожие эйдосы. Те эйдосы, которые представлены наиболее объемно всесторонне и определяют качество жанра. Можно сказать, что существование эйдоса в рамках жанра регламентировано (об этом говорит существование формул), но эйдос не предполагает фиксированную группу своих воплощений. Эти выражения не носят легитимный характер, поэтому выбор их все же стихийный, а иначе все литературные произведения в едином жанре были бы похожими друг на друга. Кроме того, каждое произведение даже в одном жанре требует своей «подборки» слов и словосочетаний, и определяет эту необходимость автор в самом себе, опираясь на свое мировоззрение, на свое представление о предмете. Отождествление значения с эйдосом

способствует возникновению представления о данном предмете, явлении, событии, символе. Отождествление событий, предметов, явлений с эйдосами приводит к разнообразию вариантов выражения этих отношений. Эту работу средневековый автор проводит осознанно-тщательно, раскрывая в жанровых позициях свои мировоззренческие концепции. В XVI в. жанр еще не столько стилистический прием, сколько ощущение мира в том или ином событии, так как литература является абсолютным отражением жизни. Художественные методы и приемы, используемые в создании жанра, суть фиксированный опыт, появляющийся в результате осознания окружающего мира и себя в нем.

Язык фиксирует и кодирует культурную семантику своей эпохи. В своем языке общество осознает себя, наблюдает и постигает. Описывая себя в своих произведениях, оно использует свои представления, характерные только для данного периода времени. Герменевтический анализ текста способствует раскрытию представлений эпохи, делает возможным обращение к культурной семантике XVI в. и восстановление кодовой преемственности с помощью «первоисточника» — эйдоса.

Библиографический список

1. Ранчин А. М. О принципах герменевтического изучения древнерусской словесности // Древняя Русь. — 2001. — № 4.
2. Данилевский И. Н. «Повесть временных лет»: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. — М., 2004.
3. Камчатнов А. М. О семантическом словаре древнерусского языка // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2001. — № 1.
4. Луман Н. Тавтология и парадокс в современных самоописаниях современного общества, 1991 [Электронный ресурс]. — URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2970>.
5. Брандес М. П. Стиль и перевод (на материале немецкого языка) : учеб. пособие. — М., 1998.
6. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). — М., 1994.
7. Кусков В. В. История древнерусской литературы. — М., 1998. — Гл.: «Литература централизованного государства», «Публицистика», «Повесть о Петре и Февронии» [Электронный ресурс]. — URL: http://polbu.ru/kuskov_lithistory/.
8. Калугин В. В. Литература Древней Руси XI–XVII века. — М., 2003. — Г. 6 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.voskres.ru/school/ruslit.htm>.
9. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. — 3-е изд. — СПб., 1998.
10. Лихачев Д. С. Литературный этикет Древней Руси (к проблеме изучения). — М. ; Л., 1961. — Т. 17.
11. Камчатнов А. М. Лингвистическая герменевтика (на материале древнерусских рукописных источников). — М., 1995.
12. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1978. — Т. 1–4.
13. «Казанская история», по списку РНБ, Ф. IV. 578 (60-х гг. XVII в.), л. 133–286. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ. — СПб., 2000. — Т. 10: XVI век [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5148>.
14. Творогов О. В. Литература Древней Руси : пособие для учителя. — М., 1981 [Электронный ресурс]. — URL: <http://ppf.asf.ru/drl/tv0.html>.
15. Лихачев Д. С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы. Исследование по древнерусской литературе. — Л., 1986.
16. Лихачев Д. С. Система литературных жанров Древней Руси. — М., 1963.
17. Морохин В. Н. Прозаические жанры русского фольклора. — М., 1983.
18. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. — СПб., 1890–1912 [Электронный ресурс]. — URL: <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=896>.